

Признаки перелома

Указание на то, что какие-нибудь литературные явления «переживают кризис», - стало давно уже таким общим местом, что указывающие на это давно уже привыкли извиняться в том, что они принуждены повторять его. Самым общим возражением – по существу – против такого «общего места» является, конечно, то, что все развивается, что там, где современнику видится перелом, мы имеем только развитие. Но стать на ту точку зрения, что «все развивается», и судит с нее обо всех явлениях, кажущихся почему-нибудь тревожными, – значит, впасть в такое успокоительное равнодушие, которое никакими ссылками на «историзм» не оправдается. Может быть, для стилистического удовольствия лучше найти какие-нибудь другие возражения, а не твердить все о «кризисе» или переломе, чтобы оживить самое понятие, но смысл остается тот же. Бытовой характер жизни, когда одинаковые, неизменяющиеся верования тянулись целые столетия, давно миновали, а для России его почти и не было, часто ведь, сложился интеллигентский быт, интеллигентская психология и традиция, - вместо сословных, стихийных, «бытовых».

К таким традициям принадлежит у нас идеализация целой полосы нашей общественности – 40-х по 80-ые годы, идеализация – еще малосознательная, во вред самой себе. Есть кумиры, которым поклоняются, и есть факты, от которых брезгливо отворачиваются: есть и такие, которые просто не помнят. Так до сих пор еще твердо то мнение поддерживаемое и популярной наукой, что во главе художественной литературы идеализируемой эпохи стоял Гоголь, что на ряду с ним все мнения определяла критика Белинского, тогда как на самом деле, Гоголь при всем своем авторитете не мог стоять во главе <...> по самым свойствам своей личности и дарования, и Белинский при всей своей популярности и великом значении имел влияние отнюдь не исключительное, так как влияние не только Герцена, но и славянофилов было в то время очень велико, наряду и параллельно с влиянием Белинского. Эти примеры, - их можно было бы увеличить во много раз, примеры из эпохи, подвергшейся идеализации в последнее время эпоха александровская и отчасти вторая половина XVIII века; одним из проявлений ее может считаться только что вышедшая книга бар. Врангеля – «Венок мертвым» (да и весь журнал «Старые годы»). Все такого рода идеализации имеют большую культурную цель: они *оживляют* эпохи – воскрешают их в их забытой или полузабытой жизни. Но объективную цену имеют, конечно, не увлечения, а изучения бывшей жизни. Когда-нибудь и, наверное, очень скоро, - будет названа подлинная русская, - история русского народа и общества, - история культуры и жизни, а пока мы справедливо имеем только отдельные и случайные «очерки», ее подготовляющие. Не все еще оживлено, не все еще воскресло в памяти, не все осмыслено. «Кризис», на который в наши дни можно было бы указать (и он, несомненно, есть, что поделаешь? Не молчать же о нем только потому, что указание на кризисы стало давно общим местом!), – заключается в том, что оживляемые теперь одна за другой эпохи, воскрешаемые один за другим в

памяти, писатели и художники изменяют то культурное мировоззрение, которого наше общество стало держаться, начиная с 40-х годов. И не с Белинского, собственно, начиная, но гораздо правильнее считать – с Герцена, преступно полузабытого по цензурным требованиям! История русского общества в течение полувека была эпохой «герценианства», – так надо обозначить нашу умственную жизнь от 40-х до 80-х и даже 90-х годов, – по имени ее гениального идейного начинателя, равного которому по силе и блеску ума и таланта, в области общественно-революционной мысли, чем и определяется преимущественно та эпоха, – у нас никого не было и Чернышевский, и Добролюбов, сколько бы они не отрекались от него, были его учениками, «герценианцами», – как и сам белинский, первое звено в этой цепи, и Михайловский – последнее.

Герценианство было у нас целой системой культурной мысли, внутренний инстинкт которой – революция; идеология, выросшая из этого инстинкта – все, что с ним и за него. Таково значение Герцена вне партий, вне споров, вне сочувствий – как «событие». Это событие невидимо присутствовало и во всех колебаниях и в основном смысле нашей умственной жизни до конца века, когда – сначала частично, а потом все более властительно – новое влияние, шедшее из 60-х годов, но разлившееся в 80–90-х, влияние Толстого и Достоевского не стало стихией, равной по силе герценианству. Это влияние переходит уже в наши дни, и потому, может быть, еще рано говорить о нем «исторически». Но кризис, или перелом, заключается в том, что герценианство в молодом современном сознании стало прошлым. Его поддерживают или партийно, как чисто общественную доктрину, или же те, кто воспитывался в эпоху, предшествующую нашей, – и мы присутствуем сейчас при смене одного другим. Можно доказывать (и мне пришлось это делать в «Речи»), что полный отказ от герценианства – есть общественное безумие или слабость, но верить, что оно в чистом своем виде могло бы стать сейчас распространенным мнением было бы пустой мечтой; да едва ли и правильно звать назад прошлое, – отрицать огромное значение за стихией, столкнувшейся с герценианством и теперь одерживающей в общем сознании свою победу. Культура не может быть односторонней, а чистое герценианство было односторонним, как односторонняя и современная стихия в своем победоносном разливе.

Оставляя в стороне отношения к общественным движениям, если старая стихия, связанная с именем гениального публициста, исповедовала реализм, в самом широком смысле слова, исповедовала страстно, до крайних выводов гражданского утилитаризма, то современная, – это смешанное, религиозно-эстетическое мировоззрение, которое, поэтому, т. е. поскольку оно религиозно-эстетическое (а не религиозно-общественное), теснее всего примыкает не к Толстому, а к Достоевскому. Вспомним, например, излюбленную декадентами цитату из него: «красота спасет мир»; и будущий историк нашего общества, надо думать, обозначит последнее двадцатилетие минувшего века именем Достоевского. Да! Кризис или не кризис, но в культурном сознании произошло или еще происходит большое и очень

глубокое изменение. И его надо сознать, не боясь никаких упреков в «общих местах», и принимать это, совершающееся на наших глазах изменение, столкновение или перелом, в оценке всех общественных явлений, и в частности – литературных.

Несколько критических работ недавно вышедших, дают повод принять все сказанное мною. Сейчас в расчет и при их оценке. «Снова накануне» – сборник статей и заметок В. Львова-Рогачевского; «Критическое пособие» – сборник выдающихся статей русской критики за 100 лет, составленный «для школы и самообразования» Л. О. Вейнбергом; «Лишние люди и женские типы в романах и повестях Тургенева», опыт разбора и пр. Н. Чернышева. Я бы присоединил к этому и статью Николая Шапира в «Русской Мысли» (апрель) «Учительство в литературе». О книге Конст. Эрберга – «Цель творчества» (тоже изд. «Русской Мысли»), как о работе теоретической и очень сложной, надо говорить отдельно; но самое появление у нас оригинального исследования по эстетике очень показательно, и я думаю к ней вернуться.

Показательной надо назвать и статью Н. Шапира, так как вопрос, поставленный в ней, мог быть назван также только теперь, когда одна эпоха сменяется другой. Автор принадлежит к тем новым людям, для которых «60-е годы» (или, что тоже, герценианство) уже не святыня, и он видит признак младенческой культуры в одном из типичнейших явлений нашей литературы, ставшем национальной чертой – в стремлении литературы *учить жизни* проповедовать; морально влиять.

Еще не очень давно такой протест против «учительства» в литературе мог бы раздаться только из реакционных общественных кругов, теперь он подсказан соображениями «эволюционными». И разве не к тому же типу явлений принадлежит журнал «Заветы» с его определенными социализмом во «внутреннем обозрении» и тяготением к модернизму в поэзии?

В. Львов-Рогачевский в своей книжке, составленной из статей, печатавшихся в «Современном Мире» – как раб остается верен «заветам старой критики – герценианской эпохи: для него литература есть по преимуществу, общественно влиятельное явление. Название всей книги, заглавия отдельных статей, терминология, даже синтаксис – живо напоминают критику 60-х годов, – и в этих пределах книга недурна. Она написана без особенного литературного таланта, и поэтому в ней много наивного и небрежного, именно – в приемах развития мысли и в оборотах речи; по поскольку автор волнуется общественным содержанием повестей Бунина, Горького, Андреева, Шмелева и других, разбираемых им писателей, он обнаруживает и некоторую наблюдательность, и знания; но там, где критик подчиняется власти модернистских вкусов, к которым он в принципе сам относится отрицательно – там он становится и неловок, и не сведущ, и даже безвкусен. Так наша «.....» ..... для себя, подчиняется влияниям новой эпохи, сама ее отрицая, сливается, но еще не органически.

«Критическое пособие» Л. О. Вейнберга принадлежит к типу тех хрестоматий, которые уже давно стали издаваться у нас с целями педагогическими и в последнее время участились. Эти сборники статей

различных критиков могут иметь в виду две задачи: или изучение писателей по критикам, или изучение самих критиков. Последняя задача – и интересна и объективна, но таких сборников у нас еще, кажется, не издавалось, потому что такие критики, как Ап. Григорьев или Добролюбов, еще не изучаются в наших школах исторически. Первая же задача, которую взял на себя и новый составитель и которую ставили себе все его предшественники (В. Зелинский, В. Покровский, Н. Покровский и др.) – вообще необыкновенно искусственна и не целесообразна, а в настоящее время – при том надломе в литературных мнениях, который нельзя не чувствовать, – просто сбивчива. Ведь нельзя же соединять в сознании юношей и девушек, знакомящихся впервые самостоятельно с Тургеневым, например, оценки Писарева и Овсяннико-Куликовского, или еще хуже, давать «общее значение слова литература» в понимании и Жуковского, и Белинского! Критическая мысль есть такое же органическое явление, как и художественное творчество, и Белинский требует к себе такого же внимания, как и Пушкин, как – таковой, а не просто как высказавший несколько добрых литературных мнений; и органичность его есть нечто не вневременное и непререкаемое, но замечательное, как мнение человека *своего* времени. Это ложный педагогический прием сам по себе – всякая «хрестоматия»; но все-таки еще недавно такие критические сборники были менее искусственной затеей, потому что литературная критика была однороднее: русская общественность еще не надломилась. И преподаватель теперь, действительно, в трудном положении, как во всякую эпоху «смены».

«Опыт разбора»... Н. Чернышева – работа тоже педагогическая – может служить доказательством, в каком, при всей своей добросовестности, не только трудном положении, но в тупике, окажется современный преподаватель, если он не прислушается к тому, что происходит вокруг, в том обществе, историю которого он преподает своим ученикам по романам Тургенева! Если он думает, что все осталось по-старому, что никакого перелома не произошло, ему остается только повторять «общие места» – будь это мнения Добролюбова, Ор. Миллера или кого бы то ни было другого, – когда-то живые, в живом создании людей той эпохи.

Владимир Гиппиус.